

ЗАБАВНИКОВ Б. Н.

К ПРОБЛЕМЕ СТРУКТУРИРОВАНИЯ РЕЧЕВОГО АКТА (РЕЧЕВОГО ДЕЙСТВИЯ)

Понятие «речевой акт» в современной лингвистике еще не установилось. Речевые акты по-разному интерпретировались и интерпретируются в различных научных школах и направлениях. Н. С. Трубецкой, например, считал, что речевой акт имеет место каждый раз, когда один человек сообщает что-либо другому [1, с. 7]. Н. Д. Андреев и Л. Р. Зиндер называют речевой акт процессом, в ходе которого продуцируются средства выражения языка [2, с. 16]. А. А. Реформатский понимал под речевым актом индивидуальное коммуникативное употребление языка в единстве говорения и слушания, письма и понимания [3, с. 21]. В западноевропейской науке широкую популярность приобрели в последние годы идеи, разработанные Дж. Остином, Дж. Сирлем и др. [4, 5, ср. 6]. При этом рассматривается не речевой акт в целом, а только та из его сторон, которая характеризует коммуникативную направленность. В этой связи появилось несколько попыток структурирования речевого акта, которые вытекают из деления его на более мелкие единицы. Так, например, Дж. Остин делит речевой акт на следующие частичные акты: I л о к у т и в н ы й а к т: а) фонетический акт (говорящий артикулирует звуки); б) фатический акт (использование слов и предложений по определенным грамматическим правилам); с) ретический акт [говорящий употребляет слова и предложения с определенным значением (референция)]; II и л л о к у т и в н ы й а к т (установление социальных отношений между участниками коммуникативной деятельности); III п е р л о к у т и в н ы й а к т [определенные эмоции, которые появляются у слушающего в результате осуществления говорящим речевого действия (возмущение, удивление и т. д.)] [4, с. 103 и сл.].

Такое деление речевого акта, возникшее из полемики о разграничении понятий «перформативный» и «констативный» [7—11], содержит в себе много рациональных элементов структуры речевого акта, хотя сами понятия «перформативный» и «констативный» и не приобрели классификационной ценности, т. к. в своей основе все языковые высказывания являются перформативными.

Важным, с нашей точки зрения, является, однако, факт, что в ходе этой полемики было впервые обращено серьезное внимание на то, что с помощью языковых высказываний совершаются р е ч е в ы е д е й с т в и я. В теории речевого акта Дж. Остина [4] был предпринят систематический анализ характера таких действий. Он попытался объяснить, как совершаются эти речевые действия. Например, с помощью немецкого высказывания *Der Hund ist bissig* «Собака кусается» реализуется предложение. Этот акт называется Остином л о к у т и в н ы м. Однако с помощью высказываний можно совершать действие не только в локутивном смысле. При помощи высказывания *Der Hund ist bissig* можно, например, предостеречь кого-либо от этой собаки, или посоветовать не дразнить собаку, или порекомендовать ее кому-либо, кто ищет злоую сторожевую собаку, и т. п. Действие, которое совершают при помощи локутивного акта в какой-либо одной определенной ситуации, называется и л л о к у т и в н ы м актом. Результатом такого акта является то, что одно высказывание играет только одну иллюкутивную роль (предостережение, совет, рекомендация и т. д.). Какой эта роль является в каждом отдельном случае,

зависит от обстоятельств, в которых осуществляется высказывание. Если оно содержит определенный каузальный эффект, т. е. вызывает определенные чувства, мысли или действия, то с помощью такого высказывания осуществляется еще и *п е р л о к у т и в н ы й* акт. Главное отличие иллокутивного акта от перлокутивного состоит поэтому в том, что первый осуществляется на основании языковой конвенциональности; это проявляется в невозможности осуществления перлокутивных актов чисто перформативно. Локутивный, иллокутивный и перлокутивный акт не являются, таким образом, тремя различными актами, которые осуществляются последовательно: речь здесь идет о различных аспектах только одного комплексного речевого действия, осуществляемого при помощи высказывания.

Несколько иное представление о структуре речевого акта дает Дж. Сирль. По его мнению, осуществление такого акта надо анализировать как синхронную реализацию трех частичных актов (*Aktsorten*) [12, с. 54], которые он называет: 1) актом выражения (выражение морфем, слов, предложений); 2) пропозициональным актом (референция и предикация); 3) иллокутивным актом (утверждения, вопросы, приказания и т. п.). Вслед за Остином он вводит, наконец, еще и 4) перлокутивный акт, при помощи которого должно быть учтено воздействие иллокутивного акта, связываемое с мыслями, предположениями и т. д. слушающего [5, с. 17]. Следует, однако, указать на то, что структурирование речевого акта Сирлем во многом повторяет положения Остина в несколько измененном виде. У обоих авторов речь идет об актах, которые говорящий осуществляет синхронно. Терминология Сирля не отличается значительно от терминологии Остина. Различие состоит только в том, что Сирль называет фонетический и фатический акты актом выражения, а ретический — пропозициональным актом.

Семантическое разграничение пропозиционального и соответственно иллокутивного актов, по мнению Сирля [5], дает возможность различать два элемента синтаксической структуры предложения: пропозициональный индикатор и индикатор иллокутивной роли. Последний указывает, как следует понимать пропозицию, а также какую иллокутивную роль должно играть высказывание. Иллокутивными индикаторами являются, например, порядок слов, ударение, знаки препинания, временные формы и наклонения глаголов, эксплицитно перформативные формулы.

При формулировании необходимых и достаточных условий для успешного осуществления иллокутивных актов, а также для корректного использования соответствующих иллокутивных индикаторов Сирль проводит различие между: 1) нормальными условиями «входа» и «выхода», которые должны обеспечивать реализацию осмысленного говорения и понимания; 2) условиями пропозиционального содержания. Здесь пропозиция изолируется от остальной части речевого акта и характеризуется соответственно особенностям данного иллокутивного акта. При обещании, например, говорящий *S* должен назвать будущий акт *A*; 3) условиями введения, которые касаются, во-первых, того факта, что акт должен иметь смысл или цель (т. е. что нельзя никому, скажем, приказывать сделать то, что он уже делает); во-вторых, того, что эти условия объясняются данными, которыми должны обладать говорящий и слушающий в зависимости от вида осуществляемого акта (например, тот, в адрес кого направлен приказ, должен быть в состоянии выполнить соответствующее действие, а говорящий должен с этим согласиться); 4) природой соответствующего иллокутивного акта (например, при обещании речь идет о намерении говорящего совершить определенное действие). При этом данное высказывание должно представлять собой реализацию соответствующего иллокутивного акта.

Все это говорит о том, что в работах Остина и Сирля по структурированию речевого акта содержится много рационального для дальнейших исследований проблемы. Сюда относятся: рассмотрение высказывания как речевого действия; вычленение в речевом акте иллокутивного акта, т. е. рассмотрение высказывания только в одной коммуникативной ситуации; вычленение пропозициональных актов (референтных и предика-

тивных), т. е. рассмотрение референции и предикации в определенной коммуникативной ситуации.

Вместе с тем положения, высказанные указанными авторами относительно структурирования речевого акта, нельзя признать окончательными. Это прежде всего касается теории речевого акта Сирля: речевой акт определяется им как «продукт или производное предложения при определенных условиях» и трактуется в качестве «основной или наименьшей единицы языковой коммуникативной деятельности» [5, с. 16]. Такое исходное определение является весьма неполным, т. к. не содержит еще указаний на то, что осуществление речевого акта путем реализации предложения представляет собой гораздо большее, чем просто акустико-оптическое событие, а именно, что оно является намеренным языковым *д е й с т в и е м*.

Сирль рассматривает языковое действие лишь на уровне осуществления элементарных речевых действий путем реализации *о д н о г о* предложения, иногда состоящего только из одного слова. Таким образом, он ограничивает речевое действие более узким понятием речевого акта (например, приветствие, приказание, обещание и т. д. [5, с. 16]).

При осуществлении речевых актов участник коммуникативного действия преследует определенные намерения в отношении партнера по коммуникативной деятельности, другими словами, речевой акт является социально-релевантным действием. Следовательно, речевые акты не только могут считаться категориями социально нормированных форм коммуникативной деятельности, но и вообще могут быть поняты как элементарные формы коммуникативного действия, осуществляемого с помощью языка. При этом анализ речевых актов как элементарных форм коммуникации является одной стороной вопроса, а анализ отдельных языковых средств выражения, которые могут быть реализованы при осуществлении речевых актов, — другой.

Однако в рамках отдельного языка (госр. социолекта и т. д.) для осуществления речевых актов имеются различные конвенционализированные реализации. Так, например, приглашение может быть осуществлено с помощью эксплицитной перформативной формулы [13, с. 15], посредством иллокутивного индикатора [13, с. 18] или с помощью косвенного речевого действия [13, с. 18 и сл.]. Непонятно поэтому, почему Сирль утверждает, что адекватное исследование речевых актов является исследованием *langue* в соскжоровском смысле и что не существует в отдельности исследования значений предложений и исследования осуществления речевых актов [5, с. 17 и сл.].

Сирль выдвигает так называемый принцип выразительности («*Whatever can be meant can be said*» «Все, что может что-нибудь означать, может быть высказано») [5, с. 17—19 и сл.]. Однако, с одной стороны, он принимает этот принцип в смысле *в о з м о ж н о й* выразительности [14, с. 8], когда утверждает, что при определенных обстоятельствах в определенном языке отсутствуют средства выражения намерения и что нет принципиальных ограничений обогащения языка синтаксическими или лексическими средствами выражения [5, с. 17]. С другой стороны, Сирль понимает указанный принцип как принцип *д е й с т в и т е л ь н о й* выразительности, утверждая, что имеется только одна семантика (семантика отдельных речевых актов), т. е. в этом случае анализ отдельного языка (*langue*) совпадает с анализом речевого акта.

Принятие принципа выразительности приводит к тому, что Сирль ограничивает анализ элементарных форм коммуникативной деятельности такими, которые реализуются при помощи перформативных глаголов (или глаголообразных выражений этого типа), как, например, нем. *befehlen* «приказывать», *ein Versprechen geben* «обещать» и т. д. Языковые формы коммуникативной деятельности, реализованные при помощи таких глаголов (или глаголообразных выражений), могут, однако, быть понятными как свойства, выделенные из связей языковых действий. Ограничение анализа элементарных языковых форм областью перформативных глаголов дает Сирлю возможность рассматривать языковую коммуникацию как своеобразное «поле деятельности» относительно свободных свя-

зей речевых действий и общественных норм «согласованного» целенаправленного взаимопонимания. Это видно из того, что правила Сирля относительно независимы от контекста [15, с. 17].

Неудовлетворительным является и определение Сирлем «эффекта перлокутивности»: как показывают примеры, его интересуют в первую очередь «эффекты», связанные правилами с иллокутивным актом. Здесь следовало бы говорить, однако, о регулируемом правилами воздействии иллокутивного акта [4, с. 45]. «Перлокутивным эффектом» можно было бы назвать в этом случае реализацию не регулируемых правилами воздействий, которые связаны с побочными условиями коммуникативной ситуации (например, с силой убежденности говорящего). В этом проявляется непоследовательность теории Сирля, который опирается в основном на идеи Хомского [16, с. 25 и сл.].

Итак, занимаясь анализом иллокутивных актов как элементарных форм коммуникативной деятельности, Сирль неправомерно считает, что исследует в ы р а ж е н и я, другими словами, что он дает правила употребления выражений в качестве «утверждений о языке» («statements about language») [5, с. 5].

Каким образом приходит Сирль к такому убеждению? Ответом на этот вопрос может быть следующее его высказывание: «Речевое действие включено в очень сложную нормативную форму поведения. Изучать язык и совершенствоваться в нем значит *inter alia* изучать эти правила и совершенствоваться в их применении. ... Отсюда следует ..., что когда я как говорящий на родном языке (*native speaker*), даю лингвистические характеристики..., я имею в виду не поведение группы, а описательные аспекты моего собственного владения нормативной техникой» [5, с. 12].

Когда Сирль, например, анализирует речевой акт приказания, он описывает его, как он утверждает, интуитивно на основании правил, приобретенных им как *native speaker* при изучении английского языка.

Теоретическая суть метода Сирля состоит в том, что лингвистические характеристики в языке являются по существу высказываниями, созданными на основании правил языка, т. е. манифестируют владение языком [5, с. 12]. Сирль полагает, что может таким образом решить проблему верификации лингвистических характеристик: «Оправданием моих лингвистических положений, выражающихся в моих лингвистических характеристиках, — говорит он, — служит просто то, что я *native speaker* определенного диалекта английского языка и, следовательно, руководствуюсь правилами этого диалекта, влияние которого частично описано и выяснено в моих лингвистических характеристиках элементов этого диалекта» [5, с. 13]. Проверка лингвистических характеристик, по мнению Сирля, следовательно, не нужна (например, проверка, правильно или ложно он осуществил обобщение эмпирических, в частности, статистических, данных). Он исходит из эмпирической гипотезы, согласно которой только его (Сирля) идиолект совпадает с диалектом (например, с социолектом и т. д.) данной группы говорящих. Другими словами, Сирль ссылается здесь на коммуникативный опыт *native speaker*'а, который опирается на взаимопонимание в социолектах, что можно, вероятно, объяснить соблюдением общепринятых правил. То, что интуиция может быть ложной, он не отрицает («*speaker's intuitions are notoriously fallible*») [5, с. 14]. Но ошибка объясняется им не ложным обобщением данных, которые касаются поведения других, а трудностью преобразования «*knowing how*» в «*knowing that*» [5, с. 14]. Сирль видит источник ошибок в том, что рассматривается, по-видимому, недостаточное количество примеров или эти примеры ложно интерпретируются, т. е. он допускает, что интуиция может быть направлена по ложному пути.

Ошибочность структурирования речевого акта Сирля заключается, по нашему мнению, еще и в том, что он опирается только на семантику отдельных речевых актов и отрицает интеграцию семантики₁ (семантики отдельных речевых актов) и семантики₂ (семантики средств выражения языка), что, как нам представляется, лучше обосновывает структурирование речевого акта.

Особенно важным является вопрос исчерпывающего описания классов средств выражения языка в отношении их выразительности при осуществлении частичных речевых актов. Недостаточно анализировать, например, темпоральные средства выражения языка в отношении акта временной референции, который должен быть осуществлен. Эти темпоральные средства должны быть проанализированы также и в отношении их функционирования при детерминировании иллокутивных актов. Однако систематизация типов иллокутивных актов до сих пор никем еще не была осуществлена [18, с. 119 и сл.], так что в этой области возможны пока описания только отдельных конкретных случаев. Но эта проблема относится скорее к типологии речевых актов, чем к их структурированию, т. к. ее задачей должно стать сравнительное изучение существенных признаков различных речевых актов, например, репрезентативных (*утверждать, устанавливать, описывать*), директивных (*приказывать, побуждать, разрешать, советовать*), комиссивных (*обещать, объявлять, угрожать*), экспрессивных (*благодарить, поздравлять, извиняться*), декларативных (*объявлять войну, жениться, уволиться*), косвенных и прямых речевых актов и т. д. Следует специально оговорить, что структурирование речевых актов взаимосвязано с их типологией, иначе говоря, оно возможно только при условии установления типологических характеристик этих актов в ходе специального исследования.

Вообще в связи с теорией семантики₁ следует заметить, что, в противоположность анализу иллокутивных актов, вопрос о приемлемости принципа выразительности на уровне осуществления частичного речевого акта ставится не в такой острой форме. Так, например, в акте референции как намерение, так и выразительность этого намерения являются частью повседневного коммуникативного опыта. То, что референтные акты успешно осуществляются, является также частью этого опыта, который доступен более непосредственно, чем опыт иллокутивных актов как форм языковой коммуникативной деятельности с социальной релевантностью. Принцип выразительности может быть представлен поэтому на уровне частичного речевого акта как теоретический постулат, поскольку он истолковывается в этом случае как «принцип коммуникативной деятельности» [17, с. 5]. Важным условием успешно осуществленного частичного речевого акта является то, что все, что мыслится, может быть выражено таким образом, что оно соответствует знаниям, ожиданиям и предположениям слушающего.

В то время как анализ иллокутивных актов эксплицирует опыт как отражение на элементарные формы языковой коммуникации, которые затрагивают в конечном счете социальные контексты и контексты действий, опыт является в отношении частичных речевых актов непосредственно «языковым». Осуществление частичных речевых актов направлено в значительной мере на «появление понимания», а не на «последствия» коммуникативного акта, объясняемые действием [17, с. 22]. Это положение имеет силу только тогда (и в этом случае обязательно), когда в рамках семантики₂ средства выражения, используемые для осуществления частичных речевых актов, соотносятся также и с иллокутивным актом.

Итак, семантика₁ частичных речевых актов дает некоторый ответ на элементарном уровне на вопрос об идентичности в коммуникативной деятельности. Недостаточно поэтому реконструировать нормативные правила средств выражения языка при осуществлении только речевых/частичных актов, но необходимо учитывать и все аспекты языка как многогранной социальной структуры. Эту множественность можно классифицировать следующим образом: (1) специфичность для различных слоев общества; (2) специфичность для различных ситуаций; (3) медальность; (4) ареальность; (5) диахронность; (6) степень владения языком.

Решение проблемы множественности средств выражения (в каждом отдельном языке) может быть, по нашему мнению, осуществлено при конституировании правил не с помощью интуитивных суждений, а на основе большого фактического материала.

Опора на фактический материал важна не только для исследования

высказываний как таковых [ср. 18, с. 32—42], но и позволяет делать выводы о ситуативно-специфических различных ситуациях при употреблении средств выражения языка. Если функция различных средств выражения идентична, то может быть гипотетически рассмотрено употребление соответствующих вариантов. На этом основании можно прийти к выводу о различных уровнях стилей [19, § 4, 2]. Тот факт, что теория речевого акта должна учитывать существование специфических групповых и специфических речевых вариантов, делает необходимым проводить различие в средствах выражения между содержательной и выразительной сторонами [20].

Разложение речевого акта на его составные части открывает, в конечном счете, при учете принципиального изменения предмета языка, возможность более исчерпывающего описания средств выражения (resp. социолекта), т. е. нормативных правил, которым следуют участники коммуникативной деятельности, когда они употребляют языковые средства выражения для реализации отдельных (частичных) речевых актов. Речевым актом можно поэтому назвать элементарную единицу языковой коммуникации, т. е. языковое высказывание, представляющее социальное действие в данном ситуативном контексте и устанавливающее двусторонние отношения между говорящим и слушающим на основании правил реализации речевых актов и норм средств выражения языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960.
2. Андреев Н. Д., Зиндер Л. Р. О понятиях речевого акта, речи, речевой неряцности и языка. — ВЯ, 1963, № 3.
3. Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1960.
4. Austin J. L. How to do things with words. Cambridge (Mass.), 1962.
5. Searle J. R. Speech acts. An essay in the philosophy of language. Cambridge, 1970.
6. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
7. Walker J. D. B. Statements and performatives. — In: American Philological Quarterly, 1969.
8. Lewis D. General semantics. — In: Semantics of natural language. Ed. by Davidson D., Harman G. Dordrecht, 1972.
9. Warnok G. J. Some types of performative utterance. — In: Berlin I. et al. Essays on Austin J. L. Oxford, 1973.
10. Holdcroft D. Performatives and statements. — Mind, 1974, v. 83.
11. Grewendorf G. Haben explizit performative Äußerungen einen Wahrheitswert? — In: Sprechakttheorie und Semantik. Frankfurt-am-Main, 1979.
12. Schmidt S. J. Texttheorie. Probleme einer Linguistik der sprachlichen Kommunikation. München, 1973.
13. Wunderlich D. Zur Konventionalität von Sprechhandlungen. — In: Linguistische Pragmatik. Hrg. von Wunderlich D. Frankfurt-am-Main, 1972.
14. Wunderlich D. Skizze zu einer Sprechhandlungstheorie. — In: Wunderlich D. Grundlagen der Linguistik. Reinbek, 1974.
15. Ungeheuer G. Was heißt «Verständigung durch Sprechen»? — In: Sprache der Gegenwart. Düsseldorf, 1974, Bd. 26 — Gesprochene Sprache.
16. Chomsky N. Aspects of the theory of syntax. Cambridge (Mass.), 1965.
17. Kanngiesser S. Aspekte der synchronen und diachronischen Linguistik. Tübingen, 1972.
18. Nikitopoulos P. Vergriffe auf eine Thematisierung der Repräsentativität eines Corpus. — Deutsche Sprache, 1974, Hf. 1.
19. Steger H. u. a. Redekonstellation, Redekonstellationstyp, Textexemplar, Textsorte im Rahmen eines Sprachverhaltenmodells. Begründung einer Forschungshypothese. — In: Sprache der Gegenwart. Lüsseldorf, 1974, Bd. 26 — Gesprochene Sprache.
20. Schulz G. Die Bottroper Protokolle. Parataxe und Hypotaxe. München, 1973.

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Исполнилось 100 лет со дня рождения Сергея Осиповича Карцевского (28.VIII 1884 — 7.XI 1955). В истории языкознания имя С. О. Карцевского связано с разработкой вопросов теории языка и синтаксиса, которые до настоящего времени продолжают волновать умы лингвистов. В теории и практике лингвистических исследований С. Карцевский исходил из общественного характера науки о языке, ее тесной связи с общественной языковой практикой и важнейшей роли языка как орудия культуры. Уместно привести слова Р. Якобсона о Карцевском: «...для него прошлое и будущее легко сочетаются вместе — обращаясь к творчеству Карцевского, которое сейчас принадлежит прошлому, мы устремляем взгляд в будущее» [1, с. 497].

Жизненный путь С. О. Карцевского не был простым. Родился он 28 августа 1884 года в г. Тобольске. Получив в 1903 г. диплом учителя, работал в школе в Тобольской губ., сотрудничал в различных изданиях. В 1906 г. Карцевского арестовывают в Москве за политическую деятельность. После года тюремного заключения он совершает побег и находит убежище в Швейцарии, где в 1907 г. поступает на филологический факультет Женевского университета. Там он слушает лекции Ф. де Соссюра и получает основательную научную подготовку под руководством Ш. Балли и А. Сеше.

В период пребывания в Женеве и позже С. Карцевского интересовала не только лингвистика, но и литературная деятельность. После того, как он становится в Петербурге лауреатом конкурса на лучшую новеллу, М. Горький приглашает молодого писателя сотрудничать в журнале «Знание».

После свержения царского режима в марте 1917 г. С. Карцевский возвращается на родину. На заседаниях Дialectологической комиссии Академии наук и в Московском университете он выступает горячим пропагандистом учения Ф. де Соссюра [2]. В Москве Карцевский знакомится с языковедами фортунатовской школы, с резкой критикой идей которой он выступил впоследствии [3]. В Москве Карцевский знакомится также с А. М. Пешковским, взгляды которого, по свидетельству самого Карцевского, были ему близки [4, с. 9].

В 1920 г. С. Карцевский уезжает за границу. Он работает в качестве университетского преподавателя в Страсбурге, где занимается также общим языкознанием под руководством А. Мейе и продолжает работу над начатой в Москве докторской диссертацией «Система русского глагола» [5]. Через два года Карцевский переезжает в Прагу, где ведет большую преподавательскую работу.

В 1927 г. С. Карцевский блестяще защищает в Женевском университете докторскую диссертацию «Система русского глагола». Более полувека продолжалась плодотворная научно-педагогическая деятельность Карцевского в Женевском университете. Он возглавлял кафедру русского языка и литературы, читал лекции и вел практические занятия по русскому языку и литературе. По свидетельству С. Стеллин-Машо, все, кому довелось учиться у Карцевского, работать вместе с ним, были восхищены новизной его мысли, его обширными познаниями не только в сфере лингвистики, но и в области русской и славянской литературы [6].

Следует отметить, что С. Карцевский играл видную роль в пропаганде русской культуры и русской литературы за рубежом. По свидетельству Р. Якобсона, С. Карцевский часто говорил: «В моей работе и движении одной любовью, и эта любовь — русский язык» [1, с. 495]. В 1923 г. Карцевский основал и стал редактором журнала «Русская школа за рубежом», выходившего в течение шести лет и пользовавшегося большой популярностью. Его перу принадлежит Антология русской литературы XIX—XX веков, предисловия ко многим произведениям русских писателей, изданным на французском языке в 40-е годы. Карцевский явился основателем в 1929 г. и руководителем до 1936 г. женевского Центра славянских языков и литератур.

С. Карцевский был в центре лингвистической жизни своего времени — принимал участие во многих международных лингвистических конгрессах, выступал с докладами в научных кругах Парижа и Копенгагена. Через посредство С. Карцевского Н. Трубецкой и Р. Якобсон, ставшие ведущими представителями Пражской лингвистической школы, познакомились с учением о языке Ф. де Соссюра. Карцевский явился одним из инициаторов создания в 1926 г. Пражского лингвистического кружка и был соавтором знаменитых «Темисов» этого кружка, напечатанных в 1929 г. Однако, как справедливо отмечают Б. Трика и другие чехословацкие языковеды — авторы коллективной статьи [7], С. Карцевский, принимавший активное участие в организационной деятельности Пражского лингвистического кружка, принадлежал тем не менее Женевской лингвистической школе, представителем которой наряду с Ш. Балли и А. Сеше он являлся. В его трудах получили развитие такие положения Женевской школы, как учение о языке и речи, принцип произвольности лингвистического знака, различение синхронии и диахронии, связь теории языка с общественной языковой практикой.

Лингвистическую концепцию С. Карцевского характеризует функциональный подход к языку, направленность исследований в область «лингвистики речи». Правила структуры, справедливо считал он, далеко не достаточны для научного описания языка и их следует дополнить правилами актуализации системы в речи.

В рамках теории актуализации С. Карцевского наибольший интерес представляет учение о фразе как актуализованной единице коммуникации. Выделение Карцевским фразы как единицы общения связано с его пониманием структурной организации языка, представленной четырьмя семиологическими планами: лексикологическим, синтаксическим (сигнагматическим), морфологическим и фонологическим [8]. Фраза понималась Карцевским как продукт синтеза единиц различных планов, фраза принадлежит высшему плану — лексикологическому, который, по существу, имеет выход в речь. Внутри каждого плана он устанавливает определенные дифференциации.

С. Карцевский настаивал на строгом отличии фразы от предложения. В отличие от предложения «фраза — актуализованная единица сообщения. Она не имеет собственной грамматической структуры. Но она имеет свою звуковую структуру, которая заключается в ее интонации. Именно интонация образует фразу» [9]. Следует заметить, что в Женевской школе никто не занимался специально вопросами интонации и интерес Карцевского к данной проблеме обусловлен, несомненно, влиянием Пражской лингвистической школы.

Занимаясь соотношением коммуникативного и грамматического аспектов предложения, С. Карцевский предложил оригинальную классификацию бессоюзных и сложноподчиненных фраз русского языка по структурным признакам [10, 11].

Изучая механизм актуализации, С. Карцевский столкнулся с явлением сдвига отношений между двумя сторонами лингвистического знания — означаемым и означающим — в процессе его актуализации. Это явление и послужило основой для известной теории асимметричного дуализма лингвистического знания, которую обычно связывают с переведенной на русский язык статьей Карцевского [12]. Между тем основные положения этой теории были изложены им еще во Введении к работе «Система русского глагола» [5]. Развивая принцип произвольности лингвистического знака, обоснованный Ф. де Соссюром и Ш. Балли, С. Карцевский показал, что в самом единстве означающего и означаемого знака заложен глубокий внутренний конфликт, который приводит к сдвигу отношений, к асимметрии двух сторон знака в процессе функционирования языка. Карцевский установил, что принцип асимметричного скрещения омонимии и синонимии распространяется на все значимые факты языка, т. е. он является существенным признаком, отличающим язык от других знаковых систем. Р. Якобсон писал: «Ничто не было так присуще уму Карцевского, как асимметричный дуализм, постоянная борьба противоположностей» [1, с. 496]. С. Карцевский думал о создании специального труда на эту тему, который намеревался озаглавить «Дифференциальный лингвистический знак» [13], но этот замысел остался неосуществленным.

Развивая идеи Ф. де Соссюра, С. Карцевский трактовал проблему диалектического противоречия, заключенного в асимметрии билатеральной сущности лингвистического знака, как движущую силу языкового развития. Учет динамики в статике выдвигалось им как одно из требований к синхронному описанию языка [3].

У С. Карцевского интерес к внутренней структуре языка, семиотической природе единиц языка творчески сочетался с вниманием к связям языка с его носителем — человеком. Он подчеркивал важную роль языка как средства приобщения широких народных масс к национальной и мировой культуре [14].

Значительны заслуги С. Карцевского в области изучения русского языка. Академик В. В. Виноградов, имея в виду С. Карцевского, писал, что «наиболее детально, четко и убедительно раскрыта система русского глагола в работах русистов, принадлежащих к так называемой „Женевской школе“» [15]. С большим интересом советскими лингвистами и методистами был встречен «Повторительный курс русского языка» С. Карцевского [4]. Как справедливо заметил Н. С. Поспелов, Карцевскому удалось сочетать «в едином учебнике освещение основ общего языкознания (с точки зрения определенной лингвистической школы) и предельно сжатое изложение системы русского языка» [16]. С. Карцевским был задуман большой труд «Грамматика русского языка». Сохранились рукописные фрагменты этого незавершенного исследования¹.

Предлагаемая вниманию читателей статья С. Карцевского «Introduction à l'étude de l'interjection» была опубликована в печатном органе Женевской лингвистической школы — «Тетрадах Фердинанда де Соссюра» (№ 1, 1941) [17] и переведена в сборнике избранных работ представителей Женевской школы [18]. В мае 1941 г. Карцевский выступил с основными положениями своей статьи на заседании Женевского общества лингвистов [17, с. 21]. Интересно отметить, что понимание Карцевским природы междометий не встретило принципиальных возражений со стороны Ш. Балли, А. Сепе, Э. Сольберге и других членов общества, выступивших в дискуссии. Судя по двум рукописным вариантам статьи, имеющимся в архиве С. Карцевского (папка № 14, мат. 12 и 13), работа над ней была начата в сентябре 1940 года. В рукописи статьи имеется пометка: *Посвящается Н. С. Трубецкому*.

В рукописи статьи содержатся некоторые детали, например, имеются замечания о том, что восклицания играют роль актуализаторов, наделая повествовательные фразы восклицательной интонацией. Ономотопея же фраз не образуют и могут употреб-

¹ Архив С. О. Карцевского хранится в рукописном отделе Института русского языка АН СССР (фонд № 16).